

18+

Самара Мо
Сборник рассказов

ППП - Психоз После Полуночи

Самара Мо III – Психоз После Полуночи. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781765

ISBN 9785005088109

Аннотация

Знаете ли вы, что происходит в темноте, когда люди запирают двери на замки с приходом ночи? Мрачные секреты скрываются в их душах, овладевая сознанием. Сможете ли вы преодолеть черту между ужасом и сумасшествием? Выдержите ли то, что познаете? Смесь ужасов и психологического триллера в сборнике рассказов от автора Самара Мо не оставят вас равнодушными.

Содержание

Записки Марты, в которую никто не верил. (С пометкой «Не читать»)	5
Море розовых роз. (Там, где нет покоя)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

ППП – Психоз После Полуночи Сборник рассказов

Самара Мо

Дизайнер обложки Алексей Мальцев

© Самара Мо, 2020

© Алексей Мальцев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-8810-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записки Марты, в которую никто не верил. (С пометкой «Не читать»)

На титульном листе единственная фраза: Простите. Я не знала, что вы здесь ни при чём.

Первая строчка в дневнике: Пишу, как помню.

Далее подпись: Марта.

Более ничего.

Дата и время описанных событий неизвестна.

Записка 1. Я совсем маленькая.

Будучи ребёнком, я запомнила лишь одно – что есть на свете Бог. Мама постоянно говорила мне, что он рядом с нами. Говорила, что он приходил к ней и помог стать смиренной и понимающей. Она полюбила Его, и Он ответил ей тем же. Я поверила ей. Искала его в кустах крыжовника, что росли в нашем саду, усыпанные ягодами переливающихся янтарём, словно мамины бусы. Или на той старой высохшей вишне, что погибла, наверное, ещё до моего появления на свет, но срубить её было некому. Я стремилась залезть всё выше и выше, ползая по её костлявым ветвям, в надежде найти Его на вершине того дерева, но, похоже, никогда не забиралась достаточно высоко. Я чувствовала, что хочу общаться с ним, ведь у меня не было друзей. А ещё чувствовала, что внутри меня растёт нечто большое и оно тоже хо-

чет с этим Богом общаться. Я часами заглядывала в колодец и кричала туда, срывая голос, надеясь, что услышу в ответ глас Божий. Тогда мне не казалось странным, что мать не оттаскивает меня от того колодца, ведь я была совсем маленькой и могла туда упасть. Хотя, по-моему, я всегда знала почему.

Записка 2. Мне 4 года. А, может, чуть больше. Всё спутано в моей голове.

Года в четыре я залезла в курятник и перебила там почти всех курей. Так мне мама сказала. На самом деле помню, что искала там Бога. На корячках обшарила все возможные дыры, до жути перепачкавшись куриным помётом и перьями. Вероятно, на мне была и кровь, но я её не помню. А они стали кидаться друг на друга и выкалывать себе глаза. Помню, что стояла в углу и плакала, искренне не понимая, почему они так делали. Я злилась. Нет там никакого Бога!

– Ты не найдёшь его в курятнике! – Остервеневшим голосом нравучала мать, когда колотила меня палкой за эту проделку. – Бог в курятнике!?! – верещала она истерично, то похотывая, то нанося мне новый удар. Мне было очень больно за ту попытку отыскать Бога. Вообще у неё всегда была тяжёлая рука, и я предпочитала больше общаться с колодцем, нежели с матерью.

А потом была девочка и кажется, звали её Вика. Точно сказать не могу, но помню её каштановые кудрявые воло-

сы и вечно перемазанное какой-то грязью лицо. Мы ходили с ней, в тот, что за домом лес и всегда крепко держались за руки.

Когда мы только познакомились, я сказала ей, что меня любят все животные на свете. Она не поверила мне вначале, и мы пошли в лес. Когда нам навстречу повывлезали белки и ежи, она испугалась их. Да и они её тоже. Принюхивались и подкрадывались к ней медленно и осторожно. Они никогда не вели себя так раньше, когда я была одна, даже если в руках моих не было еды, но всё равно стремились ко мне и любили меня. Я их любила тоже. Они лучше, чем мама.

Записка 3. День, когда я впервые увидела смерть.

А потом была кошка с перебитым хребтом на проселочной дороге. Ей отрезали хвост. Я видела. Он валялся рядом. Понимала ли я тогда, что с ней случилось? С этой кошкой. Нет, наверное. Просто больно вдруг стало, так же как и ей. Помню, что визжала, когда бросилась к ней и прижала к груди её пыльное истерзанное тело. Она заверещала, как разъяренный зверь. Мне не было страшно, и был свет, что внутри меня. Вика испугалась. До сих пор не знаю, что она тогда увидела, но в воспоминаниях живёт момент и облачка пыли от её ног, когда она убегала.

Я думала, она любит меня. Я её любила.

Это случилось недели две спустя, мне кажется. Шёл мелкий дождь. Мама надела на меня скрипучий плащ, и мы с Ви-

кой отправились гулять всё по тем же лесным тропинкам. Мне вдруг стало плохо, как тогда, когда был колодец. Наша речка называется Жане, и мне помнится, будто я падаю в её холодные воды, захлебываюсь, а потом блюю какой-то чёрной жижей. Вика стоит на деревянном мостике, по бокам которого растёт высокий мохнатый камыш, и я перед ней. Она говорит:

– Смотри, какая птица. – Указывая пальцем куда то в серую затянутую облаками высь и приближается ко мне. У неё что-то в руках. Что-то холодное и твёрдое.

– Где? – спрашиваю я.

Она уже занесла руку для удара. Маленькая девочка семи лет, ещё даже не наученная, как следует ухаживать за собой, с серыми от грязи лиловыми лентами, вплетёнными в её растрёпанные косички. Эта девочка – моя подружка, собирается убить меня, понимаю я. Монотонное кваканье лягушек под мостом прерывается, и я чувствую это – как её маленькая ножка в грязно-жёлтых туфельках, которые она так любила, спотыкается о деревянный настил. Теперь она летит на перила лбом, словно бык на красную тряпку. Затем глухой удар. Она даже не вскрикнула, но разжала руку. Я вижу, как катиться по мостику камень, медленно, словно время пытается остановить его падение. Камень, которым она собиралась пробить мне голову. Зачем!??? – громко думаю я, и оно снова приходит. Я не могу остановить тот камень, но могу сделать больно и делаю. Слышу хлопанье внизу под мостом.

Думаю – что за звук? Потом понимаю. Это полопались лягушки. Я не люблю лягушек. Я оставляю её там, на мосту. Она мне больше не нужна. Не хочу. Предательница.

Шагаю широко, прямо по лужам и замечаю лисицу на дорожке, не успев пройти и десятка метров. Не шевелиться. Как будто бежала куда-то и сдохла. Останавливаюсь и разглядываю её пушистый мех. И ещё живые глаза. Кажется, жизнь в них ещё не совсем угасла. Она будто смотрит прямо на меня. Потом ощущаю их. Их пятеро и они мертвы, как и их мать, но я ещё могу чувствовать их присутствие. Лисята. Это я сделала с ними – понимаю я. Смотрю вперед и осознаю, что убила пол леса. Дрянь! Это она во всём виновата.

Записка 4. То, как я помню мать. Хоть она и совсем другая.

Очень редко, но все же, мне снится сон, в котором я всё ещё маленькая девочка со светлыми непослушными волосами. Моё тело буквально поглощено ароматом цветов, растущих на поле рядом с домом. Не на том, что рядом с кладбищем, я не его имею ввиду. На том сейчас, как и тогда, воняет только сырой землёй и глиной. Но на том поле, что за нашим домом, я лежу на спине и чувствую тепло исходящее от земли. Чувствую, как по моим рукам и ногам ползают маленькие, словно бы и не настоящие вовсе, чёрные муравьи и всякие букашки. Но не только это ощущаю я в своём сне. Мамины руки нежно гладят мои непослушные волосы, зарываются

в них снова и снова. А я смотрю, как по небу, словно стадо ватных коров ползут облака. Она любит меня в те минуты, всем сердцем. О да, любит. Я знаю это, не только из-за её искрящихся счастьем глаз, но и потому, что вокруг её головы, (не моей, именно её головы), кружатся, сверкая золотисто-голубыми крылышками стрекозы. В том сне, её не терзают секреты и страх. В том сне она не невротичка вовсе, погубившая детство своей дочери. Она просто мама и она меня любит.

Я не хотела быть такой. Никогда не хотела. Любовь к ней – это всё, что жгло и согревало меня все эти годы, хоть я и забыла, как она выглядит и где она живёт. Не поверите мне наверно, но я люблю её и сейчас. До сих пор мечтаю вновь ворваться в её мозг, обнять её впервые в жизни, ведь я так этого и не сделала, а затем вытрясти из неё весь дух, задавая лишь один вопрос: За что?

Записка 5. Разрисованный синими астрами портфель.

В один из вечеров, мама собрала все синие ручки, что только смогла найти в доме, положила их на стол в гостиной, почиркала на коленке, проверяя, пишут ли они (странная привычка), смочила слюной палец, стёрла, оставив красное пятно на коже. Потом долго рылась в кладовке и наконец, выудила из-под груды хлама старый портфель. Она просидела в гостиной на стуле под тусклым светом сорокавольтной лампочки пол ночи, а наутро я узнала, что мне пора идти

в школу.

Мою учительницу звали Галина Николаевна, и она мне сразу не понравилась. Уже тогда, ее маленькие свинячьи глазки смотрели на класс строго, равнодушно. Мне очень тяжело давалась учёба. Может, у меня был ненормальный склад ума, а может, дело в том, как она доносила до меня материал. И вообще тогда много чего в моей голове отвлекало меня от учёбы. Я ни слова не понимала из того, что она пыталась рассказать нам. Словно говорила она по-турецки. Часто откашливалась, подставляя кулак ко рту, и тяжело сопела. Вначале она относилась ко мне снисходительно, как и ко всем детям в равной мере. Местами с пониманием и даже показной заботой. И какое-то время, она занималась со мной и ещё с парочкой отстающих от программы детей сверхурочно. По собственной инициативе, так сказать. Я никогда не верила ей и всегда считала, что здесь кроется какая-то подоплёка. Думаю, она пыталась произвести впечатление на взрослых или добивалась повышения зарплаты. В любом случае ничего у неё не вышло.

Несмотря на эти послеурочные занятия, успехов в учёбе у меня не прибавилось. Всё равно я с огромным трудом читала и писала. Арифметика вообще была где-то за границами моего понимания. Прошло время и она начала злиться. Она стала обзывать меня и нарочно выдергивала меня к доске, изначально понимая, что я не смогу ответить. Ну не могла я ответить, хоть и сильно пыталась какое-то время. Застав-

ляла меня краснеть перед всем классом, хотела, чтобы я почувствовала себя ущербной. Но я никогда не сомневалась, что именно такой я и была. Может, и не ущербной, но совершенно отличной от каждого из них, и от неё в частности.

Она систематически гнобила меня моей недоразвитостью и тугоумием. А потом настал день, когда я сорвалась. Я видела, как она схватила указку с доски и два маленьких кусочка мела покатались по полу, словно игральные камни. Как она прошествовала по проходу, грохоча каблуками (в туфлях с шнурками на манер шестидесятых), с раскрасневшимися от злости щеками и дикими пылающими глазами. Но она не могла причинить мне боль. Неужели она этого не понимала? Мне казалось, понимала. Я смеялась над ней, пока не заболел живот, когда она дубасила указкой, непонимающего ничего мальчугана прикрывающего свою голову руками. Он вырывался и кричал, но она уже тогда была довольно крупной женщиной, и он просто не мог сопротивляться давлению, с которым та прижимала его к стулу. И всё равно он пытался дать ей отпор, но она не сдавалась. Я же, наблюдая за разворачивающейся сценой, с упоением думала про себя, что Галина Николаевна, эта жирная тварь, навсегда запомнит тот день, когда решила поднять на меня руку. Поднять руку на ребёнка. И ведь эта сука действительно думала, что бьет меня. Понимаете? И это непонимание произвело ещё большее впечатление на неё, когда она, выплеснув свой гнев, увидела, что сжимает не мою руку, а руку ни в чём не повин-

ного заплаканного мальчишки. Не помню даже его имени, но всегда мысленно извиняюсь перед ним, когда вспоминаю тот момент.

Этот её взгляд, расширенные в кои то веки глаза и хлопающие от изумления ресницы, когда туман ушёл из её головы. Мне кажется, в какой-то момент, она даже хотела повторить взбучку, но запал уже угас, особенно тогда, когда она увидела, как тот мальчонка, вырвавшись из её жесткой хватки, от пережитого ужаса прыгнул под парту, прячась от неё и заблевал там всё.

Записка 6. Моя месть.

Я знала, что она любит поесть. Пока что она была ещё относительно молодой и вполне миловидной и умела держать себя в руках, не позволяя себе кушать слишком много. Но я знала, она прячет себе в стол еду, пока никто не видит, (я вообще много чего о ней знала), и всё время до наступления обеденного перерыва думает о ней. Я помогла ей разрушить этот барьер. И в следующий раз, когда Галина Николаевна вновь заставила меня подняться (ни без искреннего чувства страха на лице) со своего места, я зашла в туман и приказала ей есть.

Двадцать три ребёнка, в основном одетые по бедному и непричёсанные смотрели на неё, выпучив от изумления глаза и пооткрывав рты. Как она не глядя, (потому что идиотка пялилась на меня), потянулась пальцами к ящику сто-

ла. Как нащупав ручку, вытащила большой свёрток в пакете. Ноги её не слушались, когда она попыталась дойти до стула, (который она сама же отодвинула к окну), но не дошла. Сделала пару неуверенных шагов, а потом вероятно, отчаялась и уселась прямо на пол. Села, а когда посмотрела на то, что лежит перед ней, разорвала пакет и фольгу, впиваясь пальцами в жирную тушку утки, что запекла в духовке накануне. Пихала в рот оторванные куски мяса и глотала их, не прожёвывая. Жир испачкал ей лицо аж до самых ушей. Жир стекал по её ладоням и пачкал рукава её рабочего платья, которое она потом так и не смогла отстирать. На неё напал дикий жор и если бы, не дай Бог, кто-нибудь из детей прервал её насыщение, она убила бы его без промедления.

Только я, пожалуй, и знаю, каких усилий стоило этой бедной моей преподавательнице, не выходить во двор своего огорода и не смотреть на бегающих в загоне кричающих птиц. Она привычно усаживалась дома в своё пружинистое кресло, сложив руки на коленях, и чуть покачиваясь, пыталась отвлечься на любимую книгу Маргарет Митчелл, подаренную ей когда-то другом по университету (любовь, которая так и не состоялась), а за домом громко гоготали утки, нарушая её душевный покой.

Но вчерашним вечером всё изменилось. Не прошло и полчаса, как она разъяренно кинула книгу на пол. Та упала шелестя зачитанными грязными страницами. Спрыгнула с места, словно под её, пока ещё умеренных размеров зад-

ницей развели костёр, и начала нарезать круги по комнате, не в силах смириться с терзающей её слабостью. Обычно в хождении по дому и бесконечному терзанию потных рук, которые к утру становились ещё и красными, проходила ночь. И всё равно, я знаю, в те минуты, что прошли в дороге от её дома до школы, она была счастлива, потому как думала, что сегодняшней ночью победила меня – маленькую необычную девочку, неспособную усвоить предложенный ею материал, из-за скудности детского ума. Счастлива, потому что не ощущала веса аппетитно зажаренной утки в своей сумке набитой книгами. А потом начался урок, и она с довольным от трепещущего ощущения сладкой мести, которая вот-вот должна состояться, назвала мою фамилию и тут же потянулась рукой к сумке. Её самодовольная улыбка стёрлась с лица лишь тогда, когда зубы вгрызлись в хрустящую зажаренную утиную плоть.

А потом она смотрела на меня, такими жалостными, полными слёз глазами. Я как сейчас помню, тот её обречённый взгляд. И память её, вместе с поглощением долгожданной пищи, наполнялась утраченными моментами прошедшей ночи. Как она уверенно шагает по коридору, наступая на любимую книгу, и страницы её мнутся под её тяжёлой ногой. Как одним рывком достаёт из пня во дворе остро наточенный топор. Идёт в загон, где каждую из тех уток, она давно уже прозвала одинаково Мартой, и птицы разбегаются от неё к железной сетке, как будто увидели руку не кор-

мящего их человека, а голодного волка забравшегося в утиный загон. Их реакция вполне обоснована, ведь от неё исходит запах. Запах безумия и смерти. Но ей то всё равно. И она хватает первую попавшуюся неудачницу-птицу, (час смерти которой настал с приходом, такой нежной днем кормилицы), и тащит её к полену прямо за шею. Та оглушительно верещит в ночи. Верещит последний раз в жизни, потому как острое лезвие топора одним лёгким ударом отсекает её тонкую шею от головы. Затем женщина кидает испачканный кровью топор на песок. Поднимает с земли утиную голову, которая продолжает дышать ещё несколько агонизирующих секунд, и смотрит, упиваясь от предвкушения в её потерянные маленькие глазки, а затем показывает утиной голове, как по двору, спотыкаясь и заливая всё вокруг кровью, бегает, как попало, её пока ещё не приготовленное, но уже вполне аппетитное тело.

Всё это она вспоминает, терзая плоть той самой утки, что зарубила накануне. Я смотрю на её подергивающееся в истерике тело, и испытываю гордость за саму себя. Мне удалось никому не навредить, но при этом отомстить за саму себя. Серьезное для меня достижение. Теперь я счастлива, потому что знаю, ей меня не одолеть. То же знает и она. С тех пор я проделывала это постоянно, на потеху ребят из своего класса.

Время шло. Жирела и Галина Николаевна, с её непрекращающимися извращёнными попытками наказать меня.

Я знала, что она стала отшельницей. Перестала общаться с людьми и следить за собой. Эти одинокие дни в её доме, проходили в состоянии отчаянного психоза в борьбе с моим психологическим давлением и её собственными желаниями. Когда загон её пустел, она уезжала на рынок, и привозила новую партию птиц, которые так же, как и предыдущие заканчивали свою недолгую жизнь на том самом пне и терпкий запах крови исходящий от пня никогда не покидал её двора. Знаю, её хотели уволить. И не раз. Дети жаловались. Жаловались и родители, но другого учителя найти не так то просто, если ты живешь в деревне. В итоге все просто смирились с её странностями.

Записка 7. День, когда я чуть не утонула.

А потом была река и то, как я запуталась в камышах. Летом, во время большой перемены, дети часто купались в той реке, недалеко от школы и конечно под присмотром взрослых. В месте, где течение реки было очень слабым. В тот раз за нами следила Галина Николаевна, и я чуть было не умерла из-за нелепой случайности. Что конкретно случилось со мной, я не помню. В моей памяти, как на картинке застыло лицо той девочки с жёлтым венком на голове, что плавала рядом со мной. А потом меня как будто засосало. Я сумела вырваться на поверхность воды, но что-то там, внизу, не отпускало моих ног и тянуло туда, где всё чёрное и невозможно дышать. Помню, как стала бить руками по во-

де, и в кровь исцарапала лицо той девчущки, что как ошпаренная выбежала из прохладной реки, оставив на воде, лишь тот веноч с капельками крови на жёлтых лепесточках матери-мачехи. Я кричала и звала на помощь, но Галина Николаевна отказывалась реагировать на мои призывы.

Теперь, я думаю, что уже тогда, ведьма оставила для себя лазейку в её повреждённом мною мозгу. Женщина просто сидела на траве, вся потная от нещадно палящего солнца, и только её губы медленно шевелились, словно она что-то нашёптывала сама себе. Мельком я увидела, как она встала, но лицо её было лишено эмоций, если не считать шевелящихся губ. Тогда я поняла, что пропала. Я не чувствовала никакой связи с ней. Её туман затянуло от меня каким-то чёрным дымом. Вода затекала мне в рот, и сильно хотелось плевать, а она всё стояла там, казалось невероятно долгое время. Я всё пыталась и пыталась заставить её помочь мне, но никак не могла пробиться через эту черноту. Я потерялась в ней и не могла найти выхода.

Как это случилось я не знаю, но в следующее мгновение, я вижу, как она лезет в воду, высоко задирая подол своего платья, который в итоге всё равно намокает, а потом темнота вновь окружает меня и теперь я вижу только воду вокруг и стебли того камыша, что опутал мне ноги.

Позднее я узнала, что из воды меня вытащила всё-таки она – эта ненавистная мне женщина, но я на тот момент уже не дышала. А она всё стояла надо мной и раздумывала, сто-

ит ли спасти мою никчемную жизнь, когда подросла мама моей одноклассницы и увидела на пожухлой траве моё распростёртое бледное тело. Она то и оттолкнула Галину Николаевну в сторону, и та плюхнулась на свой жирный зад, так и не оказав мне первую помощь. Меня откачали, и я подумала, что во второй раз в жизни, я чуть не погибла от воды и всё смотрела на неё ядовитыми, от переполняющей меня злобы глазами, пока меня не унесли к врачу. Больше я её не видела.

Несколько дней она ещё проработала в школе, но ходила, как тень и дети на её уроках по большей части были представлены сами себе, но не бегали, не кричали и не позволяли себе вольностей. Они молчали.

Наконец, её отстранили от преподавания, и я понимала что инцидент, произошедший со мной на реке тому виной. Её уволили по статье, и она спешно покинула наш посёлок. Много раз потом ходила я туда, где она когда-то жила. Несколько месяцев кормила и поила её уток, которых она бросила там, вместе с валяющимся на песке топором. Я много думала, о том, почему она не взяла с собой птиц или не продала их кому-нибудь. Тогда я была ещё слишком маленькой, чтобы понять, что каждая из тех уток заклеимённая ею Мартой, не нужна была ей в будущем, где не будет меня.

Записка 8. Не помню точно, когда с мамой стали происходить странные вещи.

Много лет ничего не происходило со мной. Я нормаль-

но вроде бы училась. Новая учительница нравилась мне куда больше предыдущей. Возможно, она понимала, что я особенная и искала ко мне другие подходы. Мне это очень помогало. Я много гуляла в нашем лесу, в тени самшитовых деревьев со стволами покрытых зелёным мхом и теми немногими лучами солнца, что пробивались сквозь их густую листву, и играла с животными, обитающими в нем, или ходила на речку.

Всё изменилось, когда мне исполнилось тринадцать. С мамой стали происходить странные вещи. То я заставляла её ползущей по нашему курятнику (прямо как я в когда-то в детстве), в поисках спиц для вязания, что она, по её словам, оставила там прошлым вечером. Мы вместе шли в курятник, и я объясняла ей, что в курятнике она вязать никак не могла. А она глядела на меня так презрительно, вроде как говоря этим своим взглядом: Хочешь сказать, что я дура? Думаешь, я идиотка, да? А потом говорила, что точно помнит, как вязала именно здесь, сидя вот на этом самом низеньком стуле носки, при свете заходящего за горизонт солнца. Ухмылялась, поражаясь моей глупости, и продолжала поиски, становясь на четвереньки. Я же смотрела на пустующий угол у стены, тот самый на который падал свет из открытой двери, угол в котором никогда прежде не стояло никакого стула, и понимала, что она сходит с ума.

Она будила меня ночью, крича как ошалелая, что в огород залезли козы, и шла ругаться к соседям полуголая. Я лишь

слушала, как она долбилась кулаками в их двери, как громко они возмущались в ответ на её позднее появление, и выходила на улицу с фонариком и опухшими от недостатка сна глазами в поисках несуществующих коз. Но только так она могла успокоиться.

Когда я застала её с ножом в абсолютно не дрожащей руке прижатым к сонной артерии на своей шее, она лишь буднично так проговорила мне, что не может больше и дальше так жить. Думаю, она чувствовала что-то во мне, и предчувствие неминуемой беды сводило её с ума. Вероятно, она боялась меня или того, что я могла бы сделать.

Даже лягушка сидит на болоте и жрет комаров. А ты на что? Так когда-то говорила моя мать, пока ещё была жива. Моя сумасшедшая мать. Когда я слонялась по округе без дела. Временами мне кажется, это она заставила меня верить в это чудовище. Иногда же думаю, что сама создала этого монстра.

Знаете ли вы, что чувствует маленькая шестилетняя девочка, с лицом перепачканным соплями и слезами, со спутанными грязными волосами и раненой жестокой душой, проводя свои дни в полной изоляции от людей и на что способен этот детский мозг, когда ему нечем заняться?

Не знаю, чем занимались вы, но я, вспоминая о своём детстве, помню только гущу леса и тёмный чердак в родительском доме, в котором кроме огромных пауков никто больше и не обитал. Часами я могла перебирать весь тот хлам, что

хранился там годами. Помню, как-то, мне даже посчастливилось найти там шарманку, но счастье моё длилось недолго потому, как мать спалила её в печи, так и не рассказав мне, что это такое.

Потом я долго сама себе придумывала, истории о происхождении того или иного предмета, назначение которого не могла осмыслить. Придумывала так, будто их рассказывала мне мать. Вылезала я оттуда уже за полночь, точно замарашка обвешанная нитками и паутиной. Но спать ложилась довольная.

Записка 9. Рисунок с домом окружённым тростником.

Не могу сказать точно, когда это случилось. Возможно, мне было семь или восемь, но знаю наверняка, что то был год, когда в лесу пропала девочка. Мама сказала, что мы учились с ней в одном классе, и даже описала мне её внешность, когда поняла, что мне ни о чем это не говорит. Но даже после этого я не смогла вспомнить её лица. Тогда она и рассказала мне местную легенду. Возможно, она и выдумала её сама. Воображения у неё для вымысла было предостаточно, но на меня та история произвела неизгладимое впечатление. Легенду о старухе, живущей на окарине поселка, в доме, окруженном высоким тростником.

Как сейчас помню веревки, сдавливающие мне грудь. Мать привязала меня к стулу. Туго. Я хриплю, задыхаясь в истерике. Пытаюсь ей сказать, что мне тяжело дышать,

но она лишь убеждает меня, что прочла в одной занимательной книге, что если ограничить подвижность, запоминание происходит в разы лучше. На моей ноге один носок и тот почти сполз. Другой валяется рядом на полу. В него я насобирала переливающихся на свету камешков, что насобирала у реки, но маме они не интересны. Всё тело болит от нанесённых ею ушибов, чувствую, как заплывает правый глаз. До сих пор не знаю, за что она так била меня, но то были единственные случаи, когда она прикасалась ко мне. Одним словом, я хорошо запомнила тот день, как оказалось.

Так вот, руки матери дрожали в тот день. Я видела, что она на взводе и готова ударить меня в любой момент. Не знаю, сколько часов она потратила на тот рисунок, что положила мне на ноги, но дался он ей с трудом. Работа над ним вымотала её, но получилось вполне достойно, насколько я помню. На рисунке ночь. Луна почти совсем затянута тяжёлыми грозовыми тучами. Вижу, что там бушует гроза, и молнии прорезают ночное небо, но высоко в небе кружит большая птица. Кружит над домом, стоящем справа на рисунке. Хотя дома там и нет. Ни тростника, ни дома, ни скелетов животных, которыми усыпана тропа, ведущая к нему, но я знаю, что они там есть. Верю в это, потому что в это верит мама. На рисунке видна лишь прогнившая от старости деревянная крыша, а вокруг нее бурлящая вода. Я вижу, белые барашки пены вокруг и думаю, что эта чёрная вода пытается сожрать и дом и крышу, так же как она укрыла под собой высокий

тростник и скелеты животных, что обглодали те уроды.

– Она внутри, – говорит мне мама, – смиренно лежит на кровати под водой. Ноги вытянуты вдоль и к ним привязан тяжёлый груз, ровно точно так же, как и к шее старухи. Руки скрещены и прижимают к груди портфель. Серый портфель. Ты видишь её? Видишь?! – Кричит на меня мать, тыкая пальцем в крышу на рисунке. – Она там. Те выродки разозлили духов тех лесов. Дети подобные тебе. Отродье. Разозлили тем, что издевались над животными. Сдирали кожу, срезали мясо, а кости бросали на тропу. К дому, жительница которого никогда не выходила из него. Её прозвали ведьмой и издевались над ней. Они осквернили лес. Осквернили старуху. Ворвались внутрь и вытащили старую женщину на улицу. Она скончалась там же, на тропе. Они бросили её тело там, не прикоснувшись даже пальцем. Именно тогда и случилась та вода. Чёрная вода. То наводнение погубило урожаи и унесло немало жизней, но ведьма на том не осталась. Когда сошла вода её распухшее тело, привязанное к кровати, нашли внутри дома и тот самый портфель на груди. Она не желала уходить. Хотела остаться в доме и мстить. Некоторые говорят, что она и сейчас лежит там, высохшая, сгнившая, но тот портфель и до сих пор при ней.

Всего неделю спустя после смерти, как рассказывали местные, её заметили впервые. Как раз тогда, когда начали гибнуть люди. Невзрачная крадущаяся в ночи фигура. Говорили, перед тем как она появлялась, громко квакали

лягушки. Целая орда лягушек, призывающая свою ведьму на месть. В руках портфель, а внутри остро наточенный тесак. Людей тех находили в лесу, обескровленных и с отрубленными руками, что старуха бережно хранила в том портфеле. Руки людей осквернивших саму природу.

Ты одна из тех людей, и она придёт за тобой, если ещё раз сунешься туда, куда не нужно. – Закончила мать и оставила меня привязанной ещё на три долгих дня, после которых от меня воняло, вероятно, так же, как от той сгнившей старухи. Я была почти при смерти.

Ты не должна думать о ней. Иначе она станет реальностью. Жалкое срамное дитя. Я чувствую, как она хочет прорваться в этот мир через тебя. Ищет лазейку в твоей чёрной душе – Не раз повторяла мне мать, когда подходила ко мне проверяя, жива ли я, в течение тех самых страшных дней из моего детства. Но я всё равно продолжала думать о ней. Я была зла.

В этом месте несколько страниц вырвано. Клочки торчащей рваной бумаги испачканы чем-то чёрным. Возможно, там был рисунок?

Записка 10. Воспоминания о том, как я создавала ведьму.

После той истории, я долгое время вообще не выходила на улицу. И не только потому, что я тряслась от страха, но и потому, что лицо моё ещё долго было покрыто синяка-

ми. Я злилась на мать и в отместку желала создать нечто, что придёт с наступлением ночи и проучит её. Долгое время теперь я проводила всё на том же родительском чердаке, не желая сталкиваться с матерью. Рылась в чемоданах с тряпками, стремясь одеть своего монстра в одежду, когда-то принадлежавшую моей маме. Хотела привязать их чем-то друг к другу. Тусклый свет, проникающий через маленькое покрытое грязью окошко не мог полностью осветить весь чердак и от того всё происходящее в те дни, казалось мне ещё более зловещим.

Я не выбирала наугад. Кропотливо рассматривала то одну изъеденную молью тряпку, то другую, поднося её к тому маленькому окну. Нет, я не просто искала, я создавала. Я трогала руками коричневый растянутый свитер, с пятнами и большими расплзающимися дырами на нём. Я прижимала его к своему детскому лицу и втягивала ноздрями запах влажности и тлена. В него я одела свою ведьму. В него и в длинное серое платье под ним, скомканное от долгого лежания в чемодане. Оно и сейчас такое же скомканное, как и пятнадцать лет назад. Я видела. Серое и невзрачное. Мать всегда была похожа в нем на монашку, вот только поклоняющуюся не Богу, а Сатане. Почти ряса, прикрывающая все те раны, что она наносила себе за долгие годы. Прикрывающая её срам.

Позаботилась я и о туфлях. До сих пор не знаю, почему так поступила. Возможно, никак не могла определиться,

какая же из двух пар предпочтительней. Ведь я была всего лишь ребёнком. Ещё и девочкой, лишённой материнской заботы. Помню, что так и не определилась. Не думала, что образ, созданный мной, окажется столь зловещим. Красный туфель на шпильке одела на левую ногу, коричневый на квадратном невысоком каблуке на правую. Из-за разницы в высоте нога её деформировалась, навсегда превратив её из обычной злобной старухи в хромоногую. Её правую руку, я вроде как сломала, хотя и не думаю, что, будучи ребёнком, могла хотя бы помыслить о подобных зверствах. Я лишь хотела, чтобы та рука была подальше от моего горла и выгнула её под каким-то нелепым углом назад. Всего лишь мера предосторожности и без того перепуганного ребёнка. Ну а что до матери, тогда мне казалось, ей достаточно будет посмотреть в чёрное полное адской боли и ненависти лицо женщины созданной мной. Всего раз взглянуть в ту чёрную массу с плавающими по ней узенькими глазками и ртом. Знаю, она бы перепугалась до смерти и усмирила бы, наконец, демонов, что терзали её психически болезненное сознание и причиняли боль мне, физическую и моральную. В завершении я накрыла её лицо вуалью, чёрной и дырявой, что оторвала от старой шляпки намереваясь создать более внушительный эффект.

Так прошло моё детство. В образах о женщине-ведьме, живущей в доме у реки, который укрывал тростник. Тростник, который не рос более нигде. Может его, тоже придумала я? Или он был там на самом деле? Этого я знать не могла.

Но знала точно, что именно я в свои детские унылые годы создала нечто, что рвалось наружу так же рьяно, как и мои никем не замеченные, не востребованные, никому ненужные эмоции.

Я всегда была особенной девочкой, но никто не желал признавать этого. Никто не хотел принимать меня такой, какая я есть. Они боялись. Принимала лишь хромоногая женщина с портфелем набитым отсеченными руками её жертв.

Я не догадывалась лишь об одном... что эта тварь, поглотившая мой детский разум способна существовать и без меня. Не знала до того самого дня, пока не разыскала злосчастную Галину Николаевну спустя несколько лет одиночества. Нет, я не была одна в полной мере, с тех пор как погибла моя мать. Выдуманная мною сущность всегда была где-то рядом. Я проводила дни в неустанных беседах с демоном, что питался моими тревогами. Я неизмеримо сильно пыталась научиться быть такой как все. Я тренировалась. Только я не знала, что и она тоже. Нечто внутри меня неустанно твердило, что пока живы те, кто меня угнетал, мне не будет покоя, и все мои попытки оказаться наравне со всеми окажутся тщетными.

Записка 11. Как я отыскивала свою ненавистную преподавательницу.

Потому я и нашла её. Вовсе ни в каком-нибудь захолустном посёлке подобном тому, в котором я выросла и окреп-

ла. В городе. Мне не хотелось видиться с ней лично и потому я прильнула лицом к стеклу за которым располагалась аудитория где она преподавала. Аудитория, примерно столов на пятнадцать расставленных в три ряда. Я наблюдала за детьми склонившимися над тетрадками в задумчивости и нерешительности. Женщина, уже преклонных лет сидела по центру в кресле у доски, надменно вытянув вперед ноги. Настолько что все сидящие перед ней могут видеть её изношенные башмаки. Всё те же, мать их, зашнурованные на манер шестидесятих башмаки! Над головой её висят портреты писателей в больших деревянных рамах: Лермонтов, Толстой, Куприн. Блок висит криво и возможно провисит криво ещё много лет. Кому есть до этого дело? Их мудрые взоры обращены в класс в отличие от туповатого взгляда тучной напыщенной преподавательницы.

Казалось её саму, более похожую на индюшку из-за её огромного второго подбородка, процесс преподавания волновал в меньшей степени или не волновал вовсе. Она лишь украдкой следила за порядком, то и дело отвлекаясь от своих первостепенных обязанностей на ящик своего рабочего стола в котором лежали три ароматных горячих початка свежеприготовленной кукурузы, что она купила по пути на работу. Просто не смогла пройти мимо и с невероятным желанием жаждала поглотить их все, но до уроков не успела. Поэтому и теребила свои пальцы, нервничая. Так же как делала это и раньше. Теперь же она вновь приоткрыла свой ящик и слег-

ка прикоснувшись к пакету чуть успокоилась. Жёлтые манящие початки кукурузы были ещё достаточно горячи, но урок заканчивался только через двадцать пять минут, судя по часам на её левой руке, ремешок которых был чуть меньше объема её запястья, (ведь она купила их добрых десять лет назад) и впивался в кожу, судя по всему не принося пожилой даме особых неудобств.

Женщина-индюшка, она же Галина Николаевна, открыла ящик, вновь провела по початкам рукой. В животе у неё сильно заурчало. Она не стала развязывать пакет, побоялась, что её услышат. Просто разорвала и выковыряла одно зернышко. Огляделась. На лице её читалось замешательство. Медленно и осторожно, не сводя с детей пристальных глаз, положила зернышко в рот. На мгновение даже закатила от удовольствия глаза, и её второй подбородок пришёл в движение, когда она принялась его разжёвывать.

Потом дети в один голос скажут, что не заметили в поведении преподавателя ничего странного. Каждый для себя решит, что она была в тот день такой же, как всегда – жирной убогой старой стервой.

Засунув это единственное зернышко в рот, она уже не могла остановиться. Не понимая, какой демон в неё вселился, склонилась головой над ящиком и принялась жадно грызть кукурузу. Интересно почувствовала ли она давно забытое ощущение того, что я где-то рядом? Настолько близко, насколько это вообще возможно. В её голове. Дети даже

не сразу обратили внимание на исчезновение учительницы за её рабочим столом. В её присутствии любой из них боялся оторвать голову от тетради, но они отреагировали на хруст.

– Вы... что, там едите? – Несмело спросила девушка, одетая в классические белую блузку и чёрную юбку. Явно отличница.

Женщина с ошмётками кукурузы на щеках, тут же выскочила из-под стола, словно в ягодицу ей засадили огромную иглу. В глазах искреннее негодование, но не от того что её застукали, а потому как не дали спокойно доесть. Девушке в классической одежде явно стало дурно от вида свирепого оскала учительницы. Она осеклась и медленно опустилась на стул.

– Ты какого хрена там вякаешь, сука? – Заверещала Галина Николаевна.

Что-то громко треснуло в её кресле. Она ахнула от неожиданности и пошатнулась, но не упала. Никто не рассмеялся от нелепого курьёза, в который угодила преподавательница литературы, как это обычно бывает. Только один парень поднялся со своего места, оставив мысли о незаконченном сочинении в прошлом.

– Как вы смеее так разговаривать с ней? – Дети изумленно оглянулись на него. Девушка говорившая первой, наконец, обрела нормальный цвет лица залившись румянцем.

– Аааа. Это ты. Защитничек чертов! – Её лицо исказилось в гримасе презрения. Второй, обглоданный словно кость по-

чаток, она кинула на пол перед собой и, замахнувшись ногой, словно бывалый футболист, произвела пенальти громоздким башмаком. Возможно, те башмаки и впрямь были из тех лет, как мне всегда казалось, но не в этом дело. Парень не отошёл в сторону. Не уклонился от удара. Початок прилетел ему прямо в грудь.

– Ха! – Радостно воскликнула женщина, вздёрнув руки вверх – попала!

– Вы не должны так обращаться с учениками. – Только и ответил он.

– Да? Не должна?!

Она сделала несколько натужных шагов по направлению к нему, но он и тут не дрогнул. А, может, просто не мог пошевелиться от страха.

– Ты, гребаный дебил. Да ты даже...

Тут её скрутило. Она схватилась за живот руками, и задёргалась в конвульсиях, встав на четвереньки, открыв всеобщему обозрению дешёвые чулки на подвязках. Чулки натянутые слишком туго на столь жирную плоть. Её выворачивало минут пять, не меньше. За это время она успела заблевать свои руки непережёванными зёрнами кукурузы, вперемешку с какой-то неприглядной зеленоватой массой, похожей на скисшее пюре из киви. За зеленой кукурузой следует давно переваренный завтрак.

Как она встала никто кроме меня не заметил. Как попутно захватила острозаточенный карандаш с соседней пар-

ты тоже. Неприметная девочка в белой классической блузке и чёрной юбке с двумя длинными белыми, как пепел косами.

Каждый из них был увлечён, разворачивающейся прямо у них на глазах нестандартной ситуацией. Препод, стоящий раком посреди классной комнаты, словно старая шлюха с задранной до самой задницы юбкой, заблевывающая всё вокруг содержимым своего желудка. Отвратительно, но исключительно интересно.

Девочка двигалась бесшумно, но я всё же слышала на фоне всеобщих восклицаний и громких рыганий учительницы, как шелестела её юбка, касаясь одежды других детей, пока она искусно маневрировала среди них. Когда же одна из её одноклассниц, наконец, заподозрила неладное, заметив её стеклянный ничего не выражающий взгляд, было уже слишком поздно.

– Что ты... – Только и успела воскликнуть она.

Одним лишь точным ударом девчонка воткнула карандаш прямо в затылок Галины Николаевны, без промедления, без сомнений. Карандаш марки «Винус» с пометкой «М», что значит мягкий грифель, вошёл на удивление мягко в податливую плоть, не задев при этом позвонков.

Галина Николаевна услышала лишь лёгкий хлопок где-то глубоко в ушах, словно кто-то лопнул надутый целлофановый пакет. Боли она не почувствовала. Разум заволокла темнота, пришедшая после яркой вспышки разноцветных огней. Тело её обмякло, и она рухнула в беспмятстве прямо в лужу

собственной блевотины.

Никто не увидел крови. Наверное, поэтому никто из ребят и не поддался панике, застыв в коллективном шоке. Только я, наблюдающая за происходящим за стеклом, подняла руки и прислонила ладони к окну. Я услышала, как оно затрещало под тяжестью моего веса и то, как оно лопнуло, прервав, наконец, этот невыносимый для человеческого восприятия резонирующий гул. Гул, порождённый не мною, но тварью сидящей внутри меня. Мы вместе зашли в тот туман и впервые за долгие годы, она уже не была мною.

Записка 12. Я и Галина Николаевна. Мы обе в тумане.

В полной для себя растерянности я наблюдала, как Галина Николаевна попыталась приподняться. От досок на которых она лежала исходил сильный смрад сырой древесной трухи и разлагающейся где-то неподалёку падали. Оглядевшись, она заметила справа от себя разорванную тушку животного, идентифицировать которое не было никакой возможности. В той тушке что-то двигалось, но у неё не было никакого желания проверять и разглядывать что же там. В голове сильно шумело, а в трясущихся руках совсем не было сил. Её бессмысленные потуги подняться были похожи на движения только что родившегося олененка. Но она всё же смогла чуть приподняться, заляпавшись рукой в той нелицеприятной вонючей массе, что вытекала из мёртвого тела зверька. Тут же вновь почувствовала более острый приступ тошноты,

но не из-за запахов, и не из-за разлагающейся плоти, кем бы тот зверь ни был, а из-за того что она узнала то место, в котором оказалась.

Покинутое, но не разрушенное людьми строение, ещё хранившее в глубине своих стен голоса. Оставленные на волю времени, никому ненужные старые полусгнившие парты. Как давно это было? Теперь они прогнили до черноты и покрыты густым с разными оттенками зелёного мхом, который стал пристанищем для семейства жирных, похожих на мадагаскарских тараканов жуков. Где-то у противоположной стены, Галина Николаевна заметила движение и поняла, но не увидела, так как свет луны не светил так далеко внутрь, что это проползла змея.

Одна из стен строения практически развалилась. Через эту щель в стене за упавшим бревном она увидела реку, застывшую в её памяти на долгие годы. Настолько долгие, что порой казалось, что всё произошедшее тогда было лишь сном. Очередным ночным кошмаром, который никак не забывался. Именно из той щели и лился тусклый лунный свет играющий бликами с мелкой рябью на реке.

– Этого места больше нет. – Сказала она неизвестно кому. – Как нет и этой школы. Она сгорела много лет назад при пожаре вместе с домами, что находились неподалёку и лесом вокруг неё. Так мне сказали.

Женщина подползла к двери, болтающейся на одной из дверных петель, за ручку которой бралась когда-то

несчётное количество раз и попыталась подняться, до сих пор не веря в реалистичность происходящего с ней. Галина Николаевна, во что бы то ни стало намеревалась уйти ещё до того, как что-то могло произойти с ней. Подтянулась, преодолевая возможности своего рыхлого тела и сумела таки встать. Погнутые проржавевшие петли выдержали её немалый вес, чему женщина оказалась несказанно довольной, если учесть тот факт, что она и понятия не имела, что уже десять минут как мертва.

Свежий ветерок задувал через развалившуюся стену, ведущую к реке. Именно туда она и направилась, несмотря на то, что могла бы выйти через главный вход. Слава Богу, дорогу эту она знала, хоть и подозревала, что за годы её отсутствия, там всё сильно заросло. Память то осталась. Женщина подошла к стене, рукой облокотилась о повалившееся бревно, наклонилась и оказалась за пределами школы, где она когда-то преподавала русский язык и литературу.

– Вот выродки. Куда же вы все подевались? Неужели я здесь совсем одна? Проклятье.

Стоило ей ступить на шершавый ковер из сухой травы и листьев, как где-то на воде послышались всплески. Не сказать, что это её сильно удивило. Инстинкты подсказывали ей, что здесь она оказалась не случайно, а сердце сжималось от ужаса, понимая, зачем конкретно. Она двинулась на звук, хоть ей и было чертовски страшно пережить это вновь. Луна, похожая на перегорающий фонарь освещала ей дорогу,

а прохладный ветерок, что задувал с востока, пусть немного, но успокаивал расшатавшиеся нервы. Звук становился всё громче и отчётливей.

Идти по кочкам на каблуках было крайне неудобно, но она не захотела скидывать туфли. Ноги то и дело подкашивались, но она сумела преодолеть расстояние до воды достаточно быстро и, наконец, увидела её. Там, вдалеке, под покровом ночи, за высоким камышом по воде отчаянно шлёпали чьи-то маленькие ручки, из последних сил пытаясь удержаться на воде.

– Нет, – она замотала головой, словно ребёнок отказывающийся есть капусту, – Нет, я не буду делать этого снова. Ни за что.

Она помнила почему не хотела помогать ей тогда, и не испытывала никакого желания делать это сейчас.

– Маленький паршивый дьяволенок. – Прошептала она те же слова, что и пятнадцать лет назад. В тот день вокруг неё в истерике металась дети, не понимающие, как помочь своей однокласснице, запутавшейся в тине. Прошептала, потому что понимала, пусть они лишь дети, но они услышат в её голосе ненависть. Сообразят, какую сильную неприязнь она испытывала к этому ребёнку.

– Сдохни там. Ну же, сдохни. Подыхай. – Всё шептала она тогда, а маленькая девочка с опухшими от слёз глазами всё дергала её за подол её серой юбки и рыдала, что есть мочи. Но малышка всё отказывалась умирать, глотая воду и вы-

крикивая нечто нечленораздельное. Прошла минута, за ней другая, а она всё кричала, надрывая голос. Нет, она не звала на помощь и не призывала маму. Она боролась и проигрывала тот бой. Галина Николаевна отказывалась шевелиться, и только ветер развивал её длинные волосы. Мысли в голове путались, словно стая озлобленных пчёл.

Да. Так было тогда. Но сейчас то по-другому. Или нет? Вдруг я не смогу выбраться отсюда, если не спасу эту малолетнюю тварь? – подумала женщина.

И она полезла в воду, задирая подол своей совсем не серой, но разошедшейся по шву сзади юбки, наблюдая, как чёрная вода обтекает её подобно смоле, поглощает её бледные старушечьи ноги. Холодит настолько, что сводит пальцы.

Когда же женщина доплыла до ребёнка, та уже скрылась под водой выпуская пузыри. Нырять не стала, просто вытянула руки вперёд, шаря под водой там, где исчезло тело ребёнка. Без особого труда нащупала её волосы, накрутила их на ладонь и с усилием потянула вверх. На поверхности показалось детское личико – бледное, худое и безжизненное. Женщина схватила её за подмышки и затрясла что было сил. Маленькая головка облепленная волосами заметалась из стороны в сторону, словно в руках она держала не человеческое существо, а манекен, с головой поворачивающийся на шарнирах.

– Давай. Приходи в себя, ты маленькая сучка – завере-

щала Галина Николаевна. И сучка откликнулась на призыв бьющейся в истерии женщины. Мелкая игривая рябь на воде вдруг стала гладью, идеально зеркальной в ярком свете луны, но Галина Николаевна этого не заметила, потому, как не могла оторвать взгляд от лица ребенка, с которым что-то было не так. Когда же, наконец, поняла, выпустила тело девочки из своих рук и попятилась назад, к зарослям шуршащих камышей.

– У тебя нет глаз. Почему у тебя нет глаз? Такого не может быть – пробормотала она скорее для самой себя.

– Глаза это то, что ты забрала у меня. Это то, что ты ненавидела всей душой. То, как я смотрю на тебя – спокойно отвечаю я женщине, которая гнобила меня большую часть моих школьных лет. А потом я увидела её – ведьму, созданную мной, с чёрным шевелящимся лицом укрытым драной вуалью, что возникла за спиной учительницы. В её кривых руках портфель, разрисованный витиеватыми астрами. Тот портфель разинут, как широко раскрытый рот голодной чёрной акулы. А в голове моей одна лишь фраза: Отрежь ей руки, сунь в портфель.

Что? Зачем? – спрашиваю я, то ли себя, то ли её, но в действительности уже понимаю, что она вне меня. Теперь она живая и она голодна.

Именно тогда до моего освободившегося от её постоянного гнета сознания, наконец, и дошло, что это именно она повинна в смерти моей матери. Повинна в её сумасшествии.

И именно она заставляла и принуждала преподавательницу ненавидеть меня. Как и многих других. Ей нужна была моя злоба. Нужно было моё отчаяние и гнев. Для неё они подобны топливу разжигающему костёр.

– Нет. Ты не получишь её. – Говорю я хромоногой ведьме и с резким звуком чвак, высовываю карандаш марки «Винус» с пометкой «М», что значит мягкий, из основания шеи ничего не соображающей Галины Николаевны.

Записка 13. Моя единственная встреча с реальной ведьмой.

Всё произошедшее далее, случилось не в реальности. Оно случилось в тумане, ибо только там я могла отыскать дом, укрытый от внешнего мира высоким тростником. Дом ведьмы. Вообще, я всегда знала, что она там прячется, просто отказывалась в это верить.

Всё это время она ждала, когда я осмелюсь на этот шаг. Осмелюсь лишить жизни живое существо. Ждала момента, когда из меня начнёт сочиться ненависть. Только так она могла попасть во внешний мир. Через мой необузданный гнев.

А я всё думала, с чего же мать тогда решила, что я думаю о ней? О ведьме? Ведь я не делала ничего плохого. Но так ли это? Или я просто стёрла из памяти всё то скверное, что натворила когда-то? Вполне могла. Я всегда была особенной девочкой. Просто не знала об этом. Девочкой способной

озеленить весь лес, даже когда его уже поглотила глубокая мрачная осень. Я не могла смотреть на опадающие лепестки цветков. На увядающие листья деревьев. И куда более серьёзным потрясением для меня, как для неразумного, ничего не соображающего ребёнка, было осознание всепоглощающей неминуемой смерти всего, что окружало меня с первых дней моей никчёмной жизни. Осознание того, что у любого живого существа есть свой предел. Износ жизненных сил. Так не должно быть! – кричала я.

А как же тот день, когда я убила Вику!? Убила свою подругу и вместе с ней пол леса. Ты помнишь тех извивающихся от боли лисят, что умерли минутой позже?! – спрашиваю я себя. Да, помню. А ещё помню, как захлёбываюсь в бурной реке, а потом блюю какой-то чёрной жижей. Это всё она! Ведьма. Уже тогда, она пыталась жить во мне, но я изрыгала её существо из себя раз за разом. Это я породила её. Позволила жить во мне и окрепнуть. Позволила обрести плоть и кровь. Раз так случилось, я же её и уничтожу. И потому я до сих пор пребываю в темноте. Оставляю позади себя оцепеневшую во мгле и ужасе Галину Николаевну и рвусь вперёд – туда, где давно мне место.

Я в тумане, который за долгие годы моего взросления стал для меня родным. Мне вовсе не страшно из-за сгущающейся вокруг меня темноты. Так же, как не боюсь я и молний прорезающих ночное небо. Не боюсь я и птицы кружащей высоко в небе над моей головой, той, что преследует меня.

Охотиться за мной. Только не сегодня. Сегодня, я не её добыча и она, как мне кажется, это знает. Так же, как и старуха, лежащая на старой прогнившей скамье. На её ногах и шее тяжёлый груз, а руки скрещены на груди. Те руки охраняют портфель с распускающимися синими астрами на нём. Теми самыми, что нарисовала мне мама, отправляя меня в школу впервые. Пока он пуст, но вскоре из него полезут руки, пытаясь дотянуться до своих тел. Навечно заключенные внутри него погубленные жизни.

Я не в силах разглядеть прогнившую крышу её полуразрушенного жилища, скрытую под тёмной бурлящей водой, но вижу высокий тростник. Тот самый, что я воздвигла вокруг него когда-то давно. Даже мама не знала об этом. Не знала, что её глупая неразумная дочь, которой нужно было сторониться того места как огня, соорудила для самой себя ориентир. Чтобы я могла отыскать его. Возможно уже тогда, я понимала, что когда-нибудь мне придется зайти внутрь того дома. Да. Теперь у меня нет сомнений. Это я создала его. Тростник, что не растёт нигде более. Мне лишь нужно перебраться через него и забраться внутрь. Не уверена, что смогу выбраться из той чёрной воды, но так и должно было быть, наверное. Оттуда выплывет она или я. Но вероятнее всего, никто из нас. Я уже близко.

На этом записи обрываются.

Дневник неизвестной девушки по имени Марта, нашла та

самая школьница, в классических блузке и юбке – вполне порядочная и прилежная девочка, что воткнула карандаш своей учительнице в шею перебив позвонки. Записи лежали на столе Галины Николаевны, и со слов обескураженной ученицы, в те минуты как будто мерцали. На титульном листе неразборчивым почерком было написано лишь одна фраза: Простите. Я не знала, что вы здесь ни при чём.

Но перед тем, как загадочные страницы были найдены, та девочка, как и все склонившиеся над телом бездыханно лежащей учительницы ученики, увидела, как рядом с трупом ни в чём не повинной Галины Николаевны возникло яркое свечение. Все они потом в один голос твердили, что из того свечения сформировался силуэт молодой незнакомки, на вид очень печальной и безгранично милой. Встав на колени, она мягко вытащила карандаш из шеи преподавательницы, после чего протянула над ней руки и засветилась ещё ярче. То свечение продолжалось всего несколько секунд, а потом неизвестная исчезла, а Галина Николаевна поднялась на ноги в полном замешательстве от разбегающихся от неё во все стороны детей. Больше Марту никто не видел.

Море розовых роз. (Там, где нет покоя)

Замедляю шаг у булочной. Глаз фиксирует старика, стоящего за прилавком в белом фартуке и колпаке. Он говорит с покупателями, на лице добродушная улыбка.

– Добрый день. Чего желаете? Три сдобных булочки и батон. Вот, пожалуйста.

Люди разговаривают с ним, но из его рта вырывается лишь хрип. Мне кажется, я знал его раньше, возможно бывал здесь, но вспомнить не могу. В памяти только картинка: шершавые, натруженные руки упаковывающие хлеб и пирожки в пакеты, и пустые грустные глаза, как у глубоко больной старой собаки.

Мимо меня пролетают машины, но мне, почему-то кажется, что я бегу быстрее. Всё вокруг потеряло привычные очертания, стало бездушным и пустым.

Вокруг много людей, но мне, как будто, нет до них дела. Я куда-то очень тороплюсь. Не помню, какой сегодня день или даже год, не знаю, кто я, где жил и что здесь делаю, но неоспоримо точно осознаю, что сильно опаздываю. Непередаваемое словами предчувствие, возможной, необратимой, невосполнимой утраты жжёт грудь. Литры расплавленного железа наполнили моё сердце, циркулируют по ве-

нам и артериям, подстёгивая мой разум: вперёд, вперёд. Это агония, я почти в бреду и всё равно не могу прекратить свой бег в никуда. В горле застыли слезы, но я понятия не имею, что за обстоятельство могло вызвать такие сильные эмоции.

Маленький мальчик бьётся в истерике прямо на пыльном тротуаре и бьет ногами воздух. Рядом с ним лежит никому ненужный красно-желтый игрушечный грузовик. Парню жарко, потому что мать забыла взять его бейсболку. Она клянет себя за нелепую рассеянность на чём свет стоит, но вида не подаёт, ни за что не подаст. Стоит над ним, зажав глаза руками, чтоб он не видел её слабости, чтоб не почувствовал себя сильным. Не смотрит на сына, не боится за него. Во-все не обязательно открывать глаза, чтобы уловить опасность за родного тебе человека. Вкус солёных слёз на её бледном лице, на руках, на губах.

Рядом безликие люди. Вопящие с веток деревьев вороны. Смотрят на меня сверху вниз пронизательными чёрными глазами. Наблюдают. Суровые, умные птицы. Что видят они во мне? Что знают?

Не отдаю себе отчета, почему обращаю внимание на те или иные вещи. Замираю на мгновение и смотрю. Они словно дорожные транспаранты, знаки которые не пропустишь, даже если захочешь. Они врезаются в сознание и не отпускают. Разработанные быть яркими, приметными глазу. Может это что-то значит для меня или значило когда-то? Время потеряло счет. Главное успеть.

Помню, как лежал на бетоне в скрюченной позе, точно зародыш галапагосского пингвина в своей собственной призрачной скорлупе, отграничивающей меня от мира. Тело сдавливала густая темнота. Темнота и боль из повреждённой левой руки. Я думал, что умру от болевого шока, прежде чем смогу открыть глаза. Мне думалось, будто я очнулся посреди операции по ампутации конечности, несмотря на тщетные старания анестезиолога усыпить мой разум. Мне хотелось крикнуть: Люди, что же вы делаете со мной? Я должен был злиться, хоть и понимал, что заблуждаюсь в своих суждениях. Потому что чувствовал своим шестым чувством, что вокруг меня не толкуются люди, свет операционной лампы не ослепляет меня, и никто не контролирует дозы моей боли.

Затем я открыл глаза и, щурясь через пелену слез, искал какую-нибудь бездушную сволочь, сидящую на корточках передо мной. Не мог я быть здесь один. Увидеть кого-нибудь, кто, скалясь гнилыми зубами, наблюдает за тем, как я корчусь в муках. Никого рядом с собой не обнаружил. Оказалось, я в заброшенном доме на окраине города. Где-то снаружи надоедливо капает вода. Окна выбиты, стены разукрашены и исписаны дерзкой подростковой рукой, фразами вроде «Всю люди чмо» или «Приходи сюда сучка, поговорим». На полу вонючие сгнившие доски с торчащими наружу ржавыми гвоздями. Пустые бутылки из-под какого-то дешёвого пойла, которое покупают разве что дети из-за его доступности и дешевизны. Окурки сигарет, затушенные о подокон-

ники и использованные презервативы, будто сдутые шары на неудавшемся празднике любви и похоти.

– Куда вы лезете, леди? – возмущённо произнёс голос-туман.

Я вздрогнул, вскрикнул от новой и последней вспышки боли и тут же забыл, что у меня вообще что-то болело, так как голос из тумана, прерывая поток моих мыслей, агрессивно продолжил:

– Эй, вы там, всех за ограду, бл... ь!

Ничего подобного совсем не ожидал. Да и кто ожидает. Приподнялся на здоровой руке, неуверенно прохрипел в пустой дом:

– Здесь есть кто-нибудь? Мне нужна помощь. Кажется я...

Я не ждал ответа. С тем же успехом я, преисполненный желанием потрепаться с кем-нибудь, мог бы зайти в городской морг посреди ночи и спросить: Есть кто живой? Но мне, всё же ответили.

В дальнем углу из-под рваных старых коробок выбралась дворняга. Посмотрела на меня равнодушно. Звонко гавкнула, прижав голову к земле. Её настороженная поза означала: Ты чё тут забыл? Это моя территория, разве не чувствуешь? На мгновение я увидел себя её глазами. Мой образ выглядел жалко и чего тут скрывать, я жалел себя. Даже во взгляде этой трусливой собаки я выглядел жертвой. Может меня избил? Ударили по голове, вследствие чего у меня отшибло память. Рука произвольно двинулась вверх к голове,

ощупала череп дрожащими пальцами в поисках вылезающего из дыры серого вещества засохшего в волосах, ну или хотя бы здоровенной шишки. Испытал отчаяние от того что ничего не обнаружил. Не бывает следствия без причины. В моём случае не было причины, или я её не замечал. Даже головной боли не было, так что вариант – повезло со слишком толстой черепной коробкой, я тоже отмёл.

Невероятно, что в голове возможна такая пустота, будто и мозга нет тоже. Я не помню ничего, но при этом осознаю, что помнил достаточно много. Ощущения, прикосновения, слова, жесты, звуки, куда ушло это всё?

– Тащите собак! – раздался всё тот же басистый голос, но уже отдалённой.

Я проигнорировал его. На этот раз. Пусть он и то единственное, что заполняет моё сознание. Вместо этого сосредоточился на всё усиливающемся желании помочь кому-то. Оно пришло изнутри, будто уродливая рыба из чёрной бездны. Тихий звук унылой скрипки, исполняемый сперва на одной струне, затем на другой. Всё тоньше, всё выше, всё отчётливей. Я ухватился за этот звук, хоть и боялся его, как и неведомой ранее науке чрезвычайно хищной рыбы. Ухватился, как хватают угасающее воспоминание. Потянул его на себя что было сил, и чуть не оглох, потому что звук превратился в страшный вопль терзаемого мучениями ребёнка. Острая необходимость помочь ему пронзила меня в самое сердце. Меня колотила дрожь. Собака, похоже, учуяла

страх, потому что внезапно пришла в движение. Я испугался её. Совершенно безотчётный страх. Задняя часть её тела оказалась парализованной. Дворняга-инвалид придвигалась ко мне на передних лапах, подтаскивая за собой свои неподвижные задние конечности, делая передышки через каждые 2—3 шажка. В перерывах усаживалась на землю и глубоко дышала. Я смотрел на бедолагу, широко раскрытыми глазами и не желал знать, что за сила толкает её навстречу ко мне, потому что, чёрт меня побери, она должна была уже умереть. С этим нельзя жить. Теперь я мог разглядеть выпирающие наружу ребра и подёрнутый белёсой плёнкой глаз животного. Другой, налитый кровью, неподвижно смотрел на меня.

Шоорк, шоорк, шоорк. Искалеченное животное – сама смерть, надвигалось прямо на меня, словно не озвученное вслух пророчество. Я решил не ждать что будет, когда она таки доберётся до поставленной цели. Спотыкаясь о мусор, побежал наперерез ей, к дверному проёму, полуразвалившаяся дверь в котором висела лишь на нижнем навесе, грозя вскоре убить кого-нибудь случайно. Я не сводил с собаки глаз. Заметил, что она тут же изменила направление и теперь ползла быстрее, без остановок, высунув на бок длинный розовый язык. Сзади неё оставалась ровная пыльная полоса, расчищенная скомкавшейся шерстью и тяжестью неподвижных лап. Я побежал через двор, заросший лопухами и папоротником, сознавая, что она не перестанет лезть за мной. Ку-

да бы я не убежал, она меня всё равно настигнет.

Не слышал я ни визга колёс, ни возмущённой брани водителя. И не видел серебристого ситроена с двумя чёрными полосами на крыше и капоте, потому что в ужасе глядел куда угодно, только не вперёд. Жёсткий толчок бампера о бедра отбросил меня на землю. При падении я как полный дурак выставил больную руку вперёд, чтобы смягчить падение. Успел вообразить, как в неё загоняют острый железный прут до самой шеи. Напрасно. Нервные окончания судорожно завибрировали на посылаемый мозгом запрос, но сигнал, запущенный в нервную систему, вернулся обратно, не достигнув цели.

Твою мать! Меня прошиб холодный пот. Водитель скрылся за поворотом 9-ти этажного здания, оставив меня лежать в зелёных лопухах и грязи. Внезапно почувствовал на шее смрадное дыхание собаки и скрип сточенных клыков. Оглянулся, готовый отразить атаку. Её не было рядом, только двигающаяся тень на полу, почти у самой двери.

Боже, пусть дверь накроет ненасытную тварь и убьёт её на месте. Бог не ответил. Вместо этого я услышал, как заскулила дворняга, но не поверил, что от боли. Скорее ярость от вынужденной медлительности мучила её. На секунду я забыл куда спешил, но неизвестный голос из тумана напомнил мне:

– Поторопись, урод. Тут дело важное. Ты не в курсе?

Я вскочил на ноги и побежал. Так я оказался на улицах

города вроде бы привычных глазу, но совершенно незнакомых мне. Комсомольская, Советских космонавтов, Троицкий. Не могу понять, зачем я здесь? Я упускаю что-то важное. Повсюду зелёные деревья, одно большое зелёное пятно. Ветер не треплет мне волосы, земля под ногами не сопротивляется мне, подгоняет. Инстинкты, если они и жили когда-то во мне, сброшены на ноль. Одна лишь цель движет мной, бегущего сквозь толпу. Я будто в гоночной машине мчусь по встречке, не взирая на опасность. Ничего не важно, кроме... Я должен найти себя, чтобы узнать, кому необходимо помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.